

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф



Джек Козлиц

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ XIX—XX ВЕКОВ

от митральезы до
«Большой Берты»



Джек Коггинс

**Огнестрельное оружие XIX-
XX веков. От митральезы
до «Большой Берты»**

«Центрполиграф»

Коггинс Д.

Огнестрельное оружие XIX-XX веков. От митральезы до «Большой Берты» / Д. Коггинс — «Центрполиграф»,

Труд Джека Коггинса посвящен развитию военного дела ведущих мировых держав: Германии, Великобритании, Франции и России. В книге говорится о применении боевого вооружения во время Франко-прусского, Русско-японского, Крымского и других масштабных вооруженных конфликтов. Большое внимание уделено Первой мировой войне как катализатору кардинальных изменений в вооруженных силах Европы. Коггинс определяет важнейшие этапы формирования тактических и стратегических принципов ведения боевых действий, рассказывает о роли авиации, артиллерии и разновидностях оружия второй половины XIX и первой половины XX века.

Содержание

ГЕРМАНЦЫ	5
Первая мировая война	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джек Коггинс

Огнестрельное оружие XIX–XX веков. От митральезы до «Большой Берты»

ГЕРМАНЦЫ

С начала XX века Германия была разбита в двух мировых войнах, причем в каждой из них ее солдаты заслужили как незавидную репутацию «ужасных варваров», так и признание за ними высоких воинских качеств. Любой исследователь военных проблем должен по необходимости оставаться беспристрастным, и следует признать, что германские солдаты являлись одними из лучших в мире. Дважды в течение полувека они едва не подчинили все народы Европы германскому владычеству и были окончательно разгромлены только благодаря впечатляющему превосходству его противников в людях и технике.

Старая, хрупкая военная машина Фридриха II окончательно развалилась в ходе сражений с армией Наполеона при Йене и Ауэрштедте (1808). Она совершенно не была связана какими бы то ни было узами с гражданским обществом, и поэтому, когда она рухнула, не оказалось никакого организованного сопротивления, никакой «подушки» резервов, чтобы смягчить шок от этого падения для прусского государства. Но горечь поражения переродилась в широкое патриотическое движение, побуждаемое некоторым числом как армейских офицеров, так и организаций, подобных знаменитому «Тугендбунду»¹, которые явно вели дело к национальному восстанию.

Мирный договор позволял Пруссии иметь только весьма ограниченные вооруженные силы (42 000 человек). Чтобы обойти это ограничение (аналогичный прием был использован и для манипуляции с условиями Версальского мирного договора после Первой мировой войны), была использована так называемая система Крумпера, при которой подготовка новобранцев проводилась максимально тщательно и максимально быстро, а затем они переводились в резерв. Постоянная же армия в этом случае насчитывает лишь немногим больше кадровых военных, чем подготавливаемый контингент, а во время войны многократно расширяется за счет большого числа резервистов. Такая система принудительно краткой срочной службы при наличии резерва является основой для военных организаций большинства держав современности.

События развивались слишком быстро для полного воплощения этой системы в жизнь. Войска состояли из добровольцев, либо членов нового ландвера², либо солдат милиционных подразделений, установленных законом, введшим обязательную воинскую службу (1814).

К сожалению, либеральные реформы, провозглашенные политиками вроде барона Генриха Штейна, которыми должен был сопровождаться этот патриотический подъем, не были подтверждены королем. Существовала слишком сильная оппозиция, особенно в среде феодалных землевладельцев, – юнкерства старой Пруссии, – причем крепостное право не было

¹ «Тугендбунд» («Союз добродетели») – тайное политическое общество в Пруссии. Создано в апреле 1808 г. с целью возрождения «национального духа». Объединяло свыше 700 человек, главным образом представителей либерального дворянства, буржуазной интеллигенции, чиновников, не связанных с народными массами. Официально распущено в январе 1810 г.

² Ландвер (*нем.* Landwehr, от Land – земля, страна и Wehr – защита, оборона) – категория военнообязанных запаса 2-й очереди и второочередные войсковые формирования в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии в XIX – начале XX в. Появился в Австрии в 1808 г. В 1813 г. термин «ландвер» принят Пруссией для обозначения ополчения, выставляемого военными округами для полевой службы. В 1814 г. стал категорией запаса армии, в который зачислялись военнообязанные в возрасте 27–39 лет после отбывания ими действительной военной службы и пребывания в резерве (запасе 1-й очереди).

упразднено до 1807 года, так что примат автократии, столь характерный для Пруссии и, следовательно, для всей Германии с доминирующей Пруссией, победил.

Demagogenhetzerei (охота за демагогами) стала популярным занятием для прусской полиции, и любая тенденция в сторону либерализма безжалостно подавлялась. Сословие юнкеров практически сделало армию своей монополией («бессердечные, дубоголовые, едва образованные люди, годные только быть капралами или счетными машинами», как характеризовал их Штейн), за исключением таких более технически насыщенных родов войск, как артиллерия, саперные части и т. п. Подобное преобладание в военных кругах аристократии (причем самой реакционной) имело сильное воздействие на германский народ и на мировую историю.



Вюртембергский пехотинец эпохи Наполеоновских войн

Историческую роль Пруссии, первоначально совершенно незначительной части Германии, можно сравнить с маленькой змейкой, успешно заглатывающей добычу много больше ее самой. Эта политика поглощения, осуществляемая в течение многих лет, непреклонно, хотя и со многими перипетиями судьбы, в конце концов триумфально завершилась в 1871 году, когда объединение Германии было завершено и Вильгельм I Прусский стал императором Германии.

Военная машина, с помощью которой Пруссия и совершила этот процесс, основывалась на системе обязательной воинской службы, при которой прошедшие ее солдаты зачислялись в резерв и могли быть мобилизованы в случае необходимости. Хотя такая армия не могла быть равной по эффективности постоянной армии, в которой солдаты служили долгий срок, ее было легче содержать (солдаты получали незначительную сумму, недостаточную, чтобы побудить их служить долгий срок), и она обеспечивала наличие значительного резерва людей, получивших в течение двух или трех лет усиленную воинскую подготовку.



Прусский кирасир, 1819 год

Первоначально «национальная армия» образца 1814 года предусматривала три года службы в действующей армии, два года пребывания в резерве и четырнадцать лет в ландвере. Подготовка к войне с Австрией в 1850 году (единственной жертвой этой бесславной кампании стала лошадь горниста) и с Францией в 1859 году выявили все недостатки этой системы. Слишком большой контингент находился в ландвере, многие члены которого не бывали на службе до десяти лет. Реформы, осуществленные в 1860 году, увеличили ежегодный призыв с 40 000 до 63 000 человек. Время пребывания в резерве возросло вдвое, а продолжительность нахождения в ландвере уменьшилась с четырнадцати до пяти лет. Общая численность вооруженных сил несколько снизилась, но действующая армия плюс резерв увеличились более чем вдвое (с 41 000 до 100 000 человек), тогда как менее эффективный ландвер был сокращен.

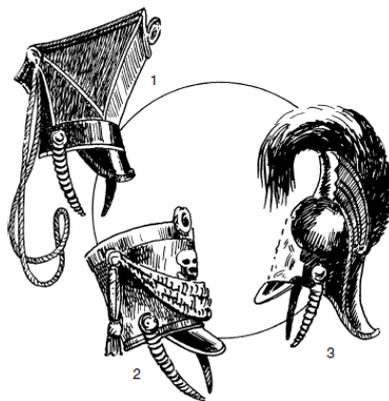
Тактика середины XIX века заключалась в несколько видоизмененной форме массированных атак французской армии периода революции, дополненных усиленной огневой шеренгой, наступающей под прикрытием своего собственного огня, при поддержке небольшой роты (240–250 человек) или полубатальона в строю колонны. Этот метод атаки был в значительной степени облегчен принятием на вооружение в прусской армии, начиная с 1848 года, знаменитого игольчатого ружья системы Дрейзе. Это оружие – винтовка с поворотной скользящей затвором – стало первым эффективным казнозарядным оружием, несмотря на ряд серьезных недостатков: относительно небольшая дальность стрельбы, прорыв пороховых газов через затвор и чрезвычайная степень загрязнения ствола (это лишь некоторые из ее пороков). Винтовка представляла значительный шаг вперед по сравнению с дульнозарядными мушкетами. Помимо прочего, ее можно было заряжать на ходу, наступая на противника, а также в положении лежа, что было не так-то легко проделать с дульнозарядным мушкетом.

За исключением двух кратких войн с датчанами за Шлезвиг-Гольштейн (в 1848 и 1864 годах), прусская армия наслаждалась полувековым миром. В 1866 году она была вовлечена в войну с Австрией, которой помогали Саксония, Бавария, Ганновер и некоторые другие небольшие германские государства. На стороне Пруссии выступила Италия, и австрийские силы заняли Венецию.

Долгая служба (семь лет), принятая в австрийской армии, которая совсем недавно воевала в Италии (1848–1849) и опять против французских и саксонских сил в 1859 году, большинством иностранных экспертов была признана излишне долгой для пруссаков. Но у прусской армии имелось одно значительное преимущество, которое само по себе приобрело решающее значение в ходе войны с Австрией, а также и в грядущей войне с Францией. Им стала прусская штабная система, и поскольку эта система имела столь значительное влияние на судьбы армии, а в будущем и на судьбы всей германской нации (и стала также образцом для многих других армий), то имеет смысл уделить некоторое место рассмотрению этого уникального института.

Почти каждый руководитель высшего ранга, будь то на военной службе, в правительстве или в любой другой сфере, считал необходимым в своей управленческой деятельности полагаться на глав соответствующих отделов, получая от них советы экспертов и рекомендации, необходимые для эффективного руководства широким полем деятельности. Нечто подобное существовало еще в начале исторических времен – возможно, прообразом подобного штабного офицера был человек, ответственный за снабжение и транспорт. По мере того как военные действия становились все сложнее и многостороннее, возрастала и необходимость в экспертах, а затем появилась нужда и в человеке, который бы возглавлял целое подразделение экспертов, обобщал бы получаемую от них информацию и представлял ее во всеобъемлющей форме генералу для принятия решения. Во многих случаях такой начальник штаба, будучи советником, имел значительное влияние на своего начальника. С другой стороны, Наполеон

использовал своего начальника штаба, Луиса Бертье, в основном только для оформления и передачи своих приказов.



Офицерские головные уборы 1831 года: 1 – уланский кивер; 2 – гусарский кивер; 3 – каска кирасира

Пруссаки, будучи методичными людьми, нашли достойное применение штабной системе. Член штаба прусского генерал-квартирмейстера барон Христиан фон Массенбах еще в 1802 году выступал за создание постоянного органа военного управления, в мирное время функционирующего как инструмент планирования операций и разрабатывающего загодя планы для каждого варианта развития событий. Помимо всего прочего, должны были организовываться поездки для ознакомления офицеров штаба с местностью и условиями различных театров военных действий.

Система эта, пребывая в тот период еще в зародыше, не получила возможности оказать свое влияние на внезапно вспыхнувшую катастрофическую кампанию 1806 года, но доказала свою ценность в 1813 году, когда генерал Герхард Шарнхорст был начальником Генерального штаба у Блюхера, а Гнейзенау служил у Шарнхорста офицером Генерального штаба.

С годами численность и влияние Генерального штаба Пруссии все увеличивались. В то же самое время единственное в своем роде положение военных в прусском государстве поставило их вне каких-либо связей с другими политическими и гражданскими структурами – то есть, в определенном смысле, вне связей с реальной жизнью, и это обстоятельство имело катастрофические последствия в будущем.

В 1857 году начальником Генерального штаба был назначен человек, который реформировал его и вознес это учреждение на вершину его успеха. Человеком этим был Гельмут фон Мольтке, чей организаторский гений и тщательное планирование предопределили поражение Австрии и падение Наполеона III.

Среди прочих заслуг Мольтке было осознание им важности железных дорог как для мобилизации вооруженных сил, так и для переброски войск и военных грузов к фронту. Железные дороги, считал он, гораздо более важны для обороны страны, чем фортификационные сооружения. Поэтому в составе Генерального штаба был создан отдел железнодорожных перевозок, который провел в 1862 году первые транспортные учения. Пруссия в этом отношении значительно превосходила Австрию, и Мольтке в своих расчетах принимал во внимание это обстоятельство.

Несмотря на грубые промахи отдельных прусских генералов и крайне недостаточную степень кавалерийской разведки местности с обеих сторон, австрийская кампания разворачивалась «в полном соответствии с планом». Игольчатое ружье системы Дрейзе значительно превосходило дульнозарядные мушкеты австрийцев, а прусские солдаты опережали противника в боевой подготовке, организации и планировании. Заключительное сражение при Садове (или под Кениггрецем) состоялось всего лишь через восемь дней после первых выстрелов на гра-

нице. В нем участвовало почти полмиллиона воинов – больше, чем в каком-либо отдельно взятом сражении того времени, – но во второй половине дня все было кончено, и австрийская армия в полном составе отступила. Благодаря игольчатому ружью, успешным действиям Генерального штаба и, наконец, не в последней степени, прусским пехотинцам Пруссия одержала убедительную победу.



Кирасир и рядовой баварской легкой кавалерии, 1870 год

Князь Отто фон Бисмарк, этот человек «из крови и стали», не имел намерений дать прусской армии почивать на лаврах. Долгая борьба за гегемонию во всей Германии закончилась победой Пруссии. Теперь следующей задачей стало сплочение многочисленных независимых государств и княжеств в единую Германию, а для этого не имелось ничего более действенного, чем сокрушительная победа Германии над старым и ненавистным противником. Поэтому начались приготовления к войне с Францией.

Уроки, полученные в ходе войны с Австрией, были успешно усвоены. Была увеличена численность кавалерии; гораздо больше внимания стало уделяться разведке, а дульнозарядные артиллерийские орудия, которые оказались по своим тактико-техническим данным несколько ниже австрийских, были заменены стальными казнозарядными, сделанными на заводах Альфреда Круппа.



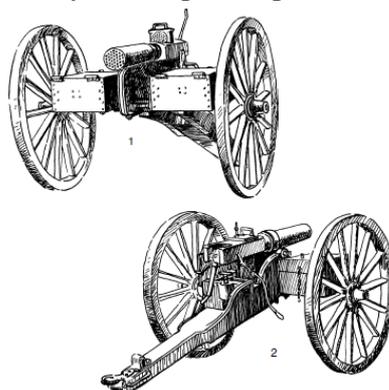
Прусская игольчатая винтовка и патрон



Французская винтовка системы Шасепо и патрон

Французы между тем продолжали применять нарезные дульнозарядные орудия. Однако у них имелись два образца вооружения, которые при определенных обстоятельствах могли решительным образом повлиять на исход войны. Одним из них было оружие пехоты, знаменитое ружье Шасепо, принятое на вооружение в 1866 году. Подобно игольчатому ружью Дрейзе, оно представляло собой однозарядную винтовку. Это ружье обладало несколько более надежным запирающим патронника, обеспечивая меньший прорыв пороховых газов при выстреле, но, как и прусское ружье, загрязнялось пороховым нагаром, и его после нескольких выстрелов было достаточно трудно перезарядить.

Его превосходство над игольчатым ружьем Дрейзе заключалось в меньшей пуле и большем заряде. Французское ружье значительно превосходило прусское по дальности стрельбы – немалое преимущество в эпоху массированных атак и залповой стрельбы. В этом отношении следует иметь в виду, что до наступления эпохи универсального применения автоматического оружия стрельба платунгами на дальнюю дистанцию, создание «зоны поражения», через которую должен был наступать противник, или сосредоточение огня на обозначенной цели были задачами, которые в будущем в значительной мере взяли на себя крупнокалиберные пулеметы наших дней. В описываемые же времена огонь пехоты также использовался на ближних дистанциях как дополнение к шрапнельному огню артиллерии.



Митральеза (картечница): 1 – вид спереди; 2 – вид сзади

Другое оружие, *митральеза* – предшественница нынешнего пулемета, – было сконструировано именно для ведения огня на дальние дистанции и, будучи применяемо так, как это предполагал его изобретатель, майор Реффье, оказалось чрезвычайно эффективным. Она определенно использовалась так же, как и артиллерийские орудия, против живой силы противника на открытой местности, для поддержки своих во время атаки, но не как оружие пехоты (в этом качестве она, помимо прочих причин, была неприменима из-за своих крупных размеров). При этом секретность, окружавшая разработку этого оружия (разработанного по личному распоряжению и на счет Наполеона III), была столь велика, что лишь немногие офицеры были знакомы с ним, а унтер-офицерам, которые должны были обслуживать его в бою, было позволено освоиться с ним лишь за несколько дней до объявления войны. При подобных обстоятельствах применение любого оружия не могло быть очень эффективным. Были сделаны неудачные попытки использовать его в строевых порядках пехоты для ведения огня, в случае же огня на длинные дистанции, будучи в небольшом количестве, позиции митральез быстро вычислялись, и они уничтожались огнем германской артиллерии.

Если Франко-прусская война и доказала что-либо в военном отношении, так только то, что в современной войне личная отвага не может возместить скверное командование и плохую организацию. Немцы выиграли эту войну не потому, что германский солдат превосходил своих противников в личном плане, но потому, что они были лучше подготовлены и шли в бой под лучшим командованием. На самом высшем уровне командования французов – в их Генеральном штабе – работа велась неэффективно, ее практически не было, и армия, щеголявшая в мундирах времен Первой империи, про которую император говаривал, что она была «готова до последней пуговицы на последних гетрах», на самом деле была плохо обеспечена, отвратительно снабжалась и кормилась.

Правда, нельзя сказать, что и работа германского Генерального штаба была безупречной, но германская система военного управления, разработанная Мольтке, оставляла определенную самостоятельность для командиров на местах. И при всех своих многочисленных ошибках и упущенных шансах германские военачальники почти постоянно приходили на помощь друг к другу, двигаясь на звук орудий ускоренным маршем.

Другой урок Франко-прусской войны заключался в том, что атака редко могла оказаться успешной, если наступающие шли во фронтальную атаку под плотным огнем казнозарядных винтовок. Хотя французы, с типичным для них пренебрежением к организации, нередко не имели при себе никакого шанцевого инструмента, они довольно часто отражали атаки германских частей с тяжелыми для последних потерями. Примером этого стало сражение при Гравелоте (или Сан-Прива). Эта схватка была лишь одной из нескольких на фронте длиной примерно 10 километров. Французы захватили селение Сан-Прива, расположенное на гривке длинного склона, что позволяло им вести успешный обстрел пространства протяженностью почти 2 километра.

Прославленная прусская гвардия в количестве 15 000 солдат двинулась в атаку вверх по склону, но была встречена ураганным огнем пехоты, которым и была остановлена примерно в полукилometре до гривки. Здесь, не в состоянии наступать и будучи слишком гордой, чтобы отступить, она залегла и сделала попытку ответить на огонь противника сверху – но потеряла из 15 000 человек 4500 ранеными и убитыми.

На другом фланге линии соприкосновения опрометчивая попытка прорвать французские порядки ударом кавалерии и артиллерии закончилась катастрофой, и быстрый контрудар французов породил панику в рядах их противников. Множество немцев, бросив оружие, рванулись обратно в Гравелот, где их с трудом удалось остановить.

Характерным для германского мышления стал манифест, в котором выражалась реакция военных кругов на действия «народной армии», которая была создана и вооружена по призыву Леона Гамбетты после пленения Наполеона III под Седаном в 1870 году. Вооруженное население всегда было серьезной проблемой со дней первых регулярных армий, ибо ничто не может больше разъярить регулярные войска, чем выстрелы из-за угла людей, по виду совершенно гражданских и обладающих иммунитетом нонкомбатантов. Тем не менее германские репрессалии представляются излишне жестокими – франтиреры, которые захватывали отбившихся от основной массы немцев, расстреливались пачками; немцами практиковался также захват заложников и сожжение городов. Тщательность, с которой выполнялись подобные приказы, обнаружила бездны жестокости в темном германском духе, что еще более отчетливо и в гораздо больших масштабах проявилось в грядущих войнах.

Несколько неуравновешенный император Вильгельм II в одном из своих самых одиозных высказываний, напутствуя войска, отплывающие в Китай для подавления Боксерского восстания, произнес: «Не давайте им пощады! Не берите пленных! Убивайте их, как только они попадут вам в руки! Подобно тому как имя Аттилы, спустя тысячу лет, до сих пор внушает страх и вошло в легенды, так и имя немца должно быть вписано в китайскую историю...»

Пощады не было дано, и пленные не были взяты, поскольку, к счастью, война закончилась еще до того, как германский контингент высадился, но речь эта запомнилась как выражение определенной позиции, пусть даже и в несколько истеричном виде.



Кирасир, 1870 год

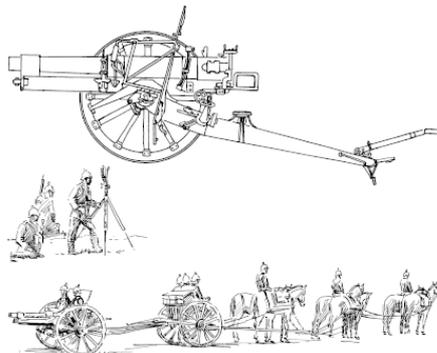
Тенденция к применению жестких репрессивных мер, которой всегда отличалась германская военщина, во всех случаях была фатальной ошибкой, и отнюдь не только по гуманитарным соображениям – война по самой своей природе негуманна, – но из-за неизбежных ответных мер. Мать и ребенок, погибшие при бомбежке или от голода в результате морской блокады, мертвы точно так же, как если бы были убиты пулями захватчика, – и все же есть нечто столь отвратительное для всех цивилизованных людей в намеренном убийстве гражданских людей всех возрастов и обоих полов, что чувство ужаса быстро сменяется ненавистью к преступникам. Только некой специфической особенностью тевтонского мышления можно объяснить то, что вполне понятная реакция на их преступления становится для них подлинным потрясением. Гете однажды сказал, что если немец будет поставлен перед выбором между несправедливостью и беспорядком, то он предпочтет несправедливость. Для формализованного германского мышления гражданское неповиновение представляет собой беспорядок. Они просто не могут понять, что порядок, который наводится расстрельной командой, лишь укрепляет волю завоеванных к сопротивлению и неизбежно приводит в действие силу, которая нанесет удар, направленный в голову завоевателю. Репрессии лишь порождают репрессии, но бронированный прусский кулак редко когда бывал облечен в бархатную перчатку.



Улан, 1890 год

Делая краткий обзор Франко-прусской войны, следует заметить, что в ходе ее случались героические подвиги, результатом которых становился разгром противника. Среди самых знаменитых подобных деяний надо упомянуть «рейд смерти» генерала германской армии Адальберта фон Бредова на Вьенвиль-Марс-ля-Тур. Этот вошедший в историю рейд был осуществлен силами трех эскадронов 7-го кирасирского полка и трех эскадронов 16-го уланского полка и предпринят как последнее средство сдержать французское наступление. Прежде чем добраться до вражеской пехоты, эскадроны сначала предприняли атаку на оружейную позицию. Разделавшись саблями и пиками с оружейной прислугой, они, не снижая скорости, врезались в пехотный строй. Уже к этому времени они понесли тяжелые потери, но все же, несмотря на залповый огонь едва ли не в упор, прорубили себе дорогу сквозь строй вражеских пехотинцев. Уходя назад на полном скаку, воодушевленные своим успехом, они сметали все на своем пути, но французская кавалерия, в свою очередь (вероятно, вспомнив Ватерлоо), пустилась в погоню и нанесла им тяжелый урон, прежде чем они добрались до своих. Из 310 кирасиров обратно вернулись только 104 человека, а из улан – лишь 90. Но эта героическая атака принесла победу, и наступление французского корпуса было остановлено.

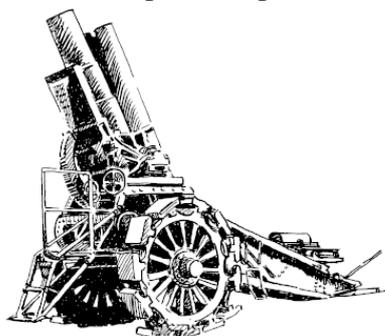
Вне всякого сомнения, многие из подобных атак не достигали цели, и жизнь храбрых воинов пропадала напрасно. С другой стороны, решение об атаке редко когда принимает командир подразделения, чей взгляд на поле боя всегда страдает ограниченностью. То, что на месте часто представляется самоубийственной тратой личного состава, на самом деле может обернуться логической или даже совершенно необходимой частью целой операции. Даже ветераны могут порой выражать недовольство по поводу приказа, который посылает их в бой и ставит, очевидно, невыполнимые цели. Именно в подобных ситуациях дисциплина и честь мундира должны служить движущей силой.



Скорострельная полевая пушка образца 1906 года

Примером может служить схватка, когда шесть полков германской кавалерии разбили десять французских полков. Но дни кавалерийских атак на поле боя уже завершались. Против казнозарядных винтовок, сколь бы несовершенными они ни были, у всадников не оставалось никаких шансов. Одна атака за другой при Вёрте, Вионвилле, Седане заканчивались тем, что кавалерия несла тяжелые потери и редко когда достигала цели. С другой стороны, германская кавалерия успешно выполняла важные задачи прикрытия наступающих частей и разведки местности.

После Франко-прусской войны германская армия, ставшая инструментом великой объединенной нации, увеличилась численно и приняла те новые условия, которые были вызваны к жизни появлением новых разработок в вооружении, инженерном оснащении и научном обеспечении. Новые пехотные уставы вобрали в себя опыт Англо-бурской войны и русско-японского конфликта, а в 1910 году яркая старая униформа сменилась практичным фельдграу³. Для Германии, как крупной промышленной державы и одного из крупнейших производителей вооружения, было совершенно естественно обладать военными силами, оснащенными самым современным вооружением. При той ауре предвидения, которая теперь окружала германский Генеральный штаб и военное министерство, у германского высшего военного командования не было никакого предубеждения в отношении новых способов ведения войны и новых видов оружия, которые должны были поставить армию Германии впереди всех других армий.



³ Фельдграу – серо-стальной; термин, ставший обозначением полевой униформы защитного цвета.

280-мм осадная гаубица Первой мировой войны

В предвидении обходного удара через нейтральную Бельгию, который предусматривал знаменитый план Шлифена, Верховное командование германских вооруженных сил сделало Круппу заказ на разработку громадных осадных орудий – монстров, весивших 98 тонн и способных послать снаряд весом 816 килограммов на расстояние 14,5 километра. Орудия эти перевозились в разобранном состоянии, собирались и устанавливались непосредственно на определенной огневой позиции и обслуживались двумя сотнями солдат. Им предстояло вести обстрел современных железобетонных и стальных фортов Льежа и Намюра, чем они тут же и занялись, как только были установлены на позициях. Однако эти орудия, так же как и 12-дюймовая австрийская гаубица фирмы «Шкода», были всего лишь техническими достижениями в сфере осадного вооружения. Истинную революцию в военных действиях, которую предстояло совершить применению пулеметов (которыми были вооружены все армии, хотя и в незначительном количестве), предвидеть никто не смог.

На поверку, еще в 1911 году проект прототипа танка с гусеничным двигателем был направлен в военное министерство, но был им отвергнут. Легкие переносные пулеметы, гранаты и легкие минометы тоже были делом будущего.

Помимо других упущений, следует отметить, что механизм контроля Генерального штаба был весьма слабым и Верховное командование вооруженных сил оказалось изрядно отдаленным от сцены, на которой разворачивались события. Командование группы армий – нечто промежуточное между армейским и Верховным командованием – должно было стать более гибким.

Однако справедливости ради следует сказать, что германские армии, потоком хлынувшие через границы Франции и Бельгии в тот жаркий август 1914 года, были хорошо снаряжены, отлично вооружены, в особенности тяжелой артиллерией, и возглавлялись знающими военачальниками и офицерами.

План, разработанный графом Альфредом фон Шлифеном в 1905 году, был ответом на угрозу войны на два фронта, столь ужасавшую Бисмарка, но которую Генеральный штаб считал неизбежной еще с 1890 года. Он предусматривал сильный удар с охватом через голландскую провинцию Лимбург, Бельгию и Северную Францию, при отвлекающих ударах гораздо меньшего масштаба на левом фланге. Правый же фланг германских войск – а это были семь восьмых общей численности вооруженных сил – должен был смять тылы французских армий и пройти так близко от побережья, что «солдат на самом правом крыле войск смог бы коснуться побережья Ла-Манша своим правым рукавом». Конечной задачей ставилась капитуляция французских сил, прижатых к швейцарской границе. Тем временем местное ополчение должно было как можно дольше держаться в Восточной Пруссии (немцы рассчитывали на медленность русской мобилизации) до тех пор, пока капитуляция Франции после молниеносного удара не позволит бросить все немецкие силы на Россию. Даже с позднейшими доработками, ухудшившими его, сделанными преемником Шлифена Гельмутом фон Мольтке (племянник знаменитого победителя в 1870 году, но ни в коем случае не ровня своему дяде), этот план представлял собой грозный замысел, а тупоумие правителей Франции обеспечивало ему успех. Но когда он все же провалился, сражение на Марне открыло путь к боям на Эне, которые, в свою очередь, привели к четырем годам позиционной войны.

Первая мировая война

Бои первой недели лета 1914 года не походили ни на те, которые были до этого, ни на те, которые гремели в последующие дни и месяцы. словно не имея никакого понятия о смертоносности современного оружия, высшее командование всех воюющих сторон массами бросало своих солдат и офицеров в огонь мировой бойни. В этом холокосте первыми сгорели бывалые солдаты обеих сторон.

Германский солдат, верный традициям, мужественно выполнял свой долг в этом массовом убийстве. В атаку за атакой – под Льежем (до того, как туда были подтянуты крупнокалиберные орудия), при Монсе, где их встретил убийственный огонь английских стрелков, на Марне и на Ипре – воины в остроконечных шлемах упрямо шли вперед в тесном строю, чтобы тысячами быть повергнутыми на землю. Один бельгийский офицер так описывал их атаку на внешний пояс крепостных укреплений Льежа: «Они не сделали даже попытки разредить строй, но шли шеренга за шеренгой практически плечом к плечу, прямо под наш огонь, который выкашивал их. Павшие солдаты громоздились одни на других, как ужасная баррикада из мертвых и раненых, которая вскоре стала закрывать прицелы наших винтовок...»



Пехотинец 1914 года в форме серо-стального цвета и островерхой каске, обтянутой холстиной

Среди невосполнимых потерь первых нескольких недель войны оказалось очень много незаменимых офицеров полкового уровня и старослужащих унтер-офицеров, и их нехватка остро ощущалась в течение всего остального периода войны.

Позиционная война, последовавшая за провалом большого наступления 1914 года, привела к патовой ситуации все армии Западного фронта. Изобретательность германских ученых и инженеров создала поразительные новые виды оружия, боевые отравляющие вещества и огнемёт – современную аналогию греческого огня, а минометы и гранаты стали, наряду с более традиционным вооружением, считаться оружием, совершенно необходимым для ведения современных военных действий. Со свойственной им тщательностью немцы разработали и оборонительные системы, ставшие своего рода образцовыми, – лабиринты траншей, пересеченных ходами сообщения, заграждения из колючей проволоки, опорные пункты, пулеметные точки и подбрустверные укрытия.

После первых недель войны, уже перейдя к обороне, германский солдат, находясь в относительной защищенности за импровизированными укрытиями из заполненных песком мешков, был способен нанести большой урон противнику. Общие германские потери на Западном фронте с августа 1914 по ноябрь 1918 года оцениваются в 5 383 000 человек, тогда как потери союзников по антигерманской коалиции составили 8 175 000 человек. Оценивая эффектив-

ность германского солдата как воина, Черчилль в своей книге «Мировой кризис 1911–1918 годов» писал: «На всем протяжении войны немцы ни на одном из ее этапов никогда не теряли больше личного состава, чем французы, с которыми они сражались, а зачастую и наносили им вдвое больший ущерб».

Переход к позиционной войне вызвал к появлению в германской армии новых формирований – «ударных групп», разработанных офицерами-фронтовиками. Суть этого нововведения заключалась в использовании в ходе атак небольших групп отборных бойцов, хорошо вооруженных и подготовленных, в отличие от массы солдат, действующих на широком фронте. Одна из таких групп насчитывала девять офицеров, двадцать унтер-офицеров на сто рядовых. Самые мелкие подразделения были очень небольшими – один офицер или унтер-офицер и от четырех до восьми рядовых. Система эта представляла собой не просто увеличенную в масштабе систему патрулей, общую для всех армий, но и воплощала радикально новую концепцию, которая главную роль отводила отдельно взятому бойцу, а упор делался на молодость, инициативу и физические качества солдата. Такие ударные группы дислоцировались за траншеями, к которым они доставлялись непосредственно перед атакой на грузовиках. В немецкой «Военной энциклопедии» воин «ударной группы» охарактеризован следующим образом: «Все его чувства обострены и напряжены, он всегда готов получить и нанести удар, он сосредоточен на себе и на том, что ему предстоит свершить вместе со своими товарищами, на которых, он знает, он может вполне положиться. Он больше не сражается с энтузиазмом и не мечтает подняться в атаку, распевая «Германия превыше всего». Он сражается с хладнокровием профессионала, которое не покидает его даже в моменты предельного профессионального напряжения».



Пехотинец 1918 года в полевой форме без обшлагов или пуговиц, в стальной каске и с противогазом в металлическом футляре

Значительная часть успеха в ходе первоначального прорыва, осуществленного во время большого весеннего наступления в 1918 году войсками под командованием Эриха Людендорфа, должна быть по праву отнесена на счет этих ударных групп.

В конце XIX – начале XX века германские вооруженные силы получили новое измерение: было принято решение увеличить ранее незначительный германский военно-морской флот и превратить его в силу, уступающую только флоту британскому. Интенсивная подготовка личного состава и великолепное оборудование частично возместили недостаток традиций, а громадный германский торговый флот и рыболовные суда обеспечили военных ядром квалифицированных моряков. И хотя осторожный адмирал Джелико, командовавший британским Гранд Флитом, отнюдь не был воплощением легендарного «духа Нельсона», тень векового превосходства англичан на океанских просторах тяжким гнетом давила как на германских морских военачальников, так и на самих моряков. Незначительная победа англичан в Гельголандской бухте, спустя всего лишь три недели после объявления войны, в ходе которой германцы потеряли три легких крейсера и эсминец, а ущерб англичан был весьма незначительным, лишь сту-

стила эту тень. И все же германские моряки сражались доблестно, ведя огонь из своих орудий, пока корабли еще держались на воде, а затем шли ко дну с громовым «Ура!» в честь кайзера и фатерланда.

Германские командиры, в большинстве случаев, демонстрировали инициативу и умение, а германский артиллерийский обстрел был выше всяких похвал. Остается, однако, открытым вопрос: были ли германские моряки, каждый в отдельности, столь же стойки под огнем, как и их противники в британском военно-морском флоте? Так, например, в ходе Ютландского боя огонь крейсера, на котором развеялся флаг адмирала Франца фон Хиппера, был исключительно точным в самом начале сражения, но, когда англичане, потеряв два из шести своих крейсеров, все же пристрелялись и начали наносить удары по немецким судам, эффективность немецкой артиллерии заметно упала.

Неспособность разбить британский надводный флот в морских сражениях привела к бурному строительству подводного флота и развертыванию крупномасштабной подводной войны. Командиры и экипажи подводных лодок демонстрировали отвагу и умение, несмотря на закрепившуюся за ними – в большинстве случаев незаслуженно – репутацию морских дьяволов из-за торпедирования невооруженных торговых судов. (Оценка этой формы военных действий в значительной степени зависела от того, «чьего быка забодали».) Во Второй мировой войне уничтожение вражеских грузовых судов считалось вполне оправданной мерой, и многие британские и американские подводные лодки заслужили известность благодаря большому количеству потопленного ими коммерческого тоннажа. Из-за неправомерных действий немногих своих подлодок германский подводный флот получил резкое осуждение в прессе и в мировом общественном мнении, а сила духа многих моряков-подводников, сжившихся с постоянной угрозой страшной смерти, не получила должной оценки, особенно после потопления «Лузитании» – сомнительной ценности в качестве цели для торпед, но бесценной пищи для союзнической пропаганды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.